Татьяна Борисова

«Гражданин» юрист

Судебная власть на страницах еженедельника кн. В.П. Мещерского в 1873 году[1]

Tatiana Borisova

«Citizen» Lawyer: The Judiciary in the Pages of V.P. Meshchersky's Weekly Magazine in 1873

Татьяна Борисова
Петрозаводский государственный университет / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук, PhD
tyuborisova@gmail.com.

Ключевые слова: еженедельник «Гражданин», публичная сфера, Судебная реформа, экспертное знание, Российская империя, юридическая профессия, Ф.М. Достоевский

УДК: 94(470)"18":321.7:316.77
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_158

В статье рассматривается печатная полемика об экспертном юридическом знании в Российской империи периода Великих реформ, инициированная еженедельником «Гражданин» в начале 1870-х годов. Анализ того, как консервативная печать рассматривала эту тему, позволяет более нюансированно рассмотреть специфику российской публичной сферы и контекста реформы и контрреформы судебной системы. С одной стороны, политика гласности способствовала развитию самых широких возможностей обсуждения судебной практики. Но, с другой стороны, в печати разгорелась агрессивная полемика о том, есть ли вообще надежная юридическая экспертиза. Из-за взаимного обесценивания «Гражданина» и его «либеральных» оппонентов долгое время оставалась в тени обозначенная в этой полемике проблема «чести» и ответственности судебных деятелей и новой «общественной власти».

Tatiana Borisova
Petrozavodsk State University / National Research University — Higher School of Economics, St. Petersburg, senior researcher; PhD
tyuborisova@gmail.com.

Keywords: weekly magazine «Citizen», public sphere, Judicial reform, expert knowledge, Russian Empire, legal profession, F.M. Dostoevsky

UDC: 94(470)"18":321.7:316.77
DOI: 10.53953/08696365_2026_201_5_158

The article examines the public debate about the problems of expert legal knowledge in the Russian Empire during the Great Reforms, initiated by the weekly newspaper «Grazhdanin» (Citizen) in the early 1870s. The author demonstrates that this understudied aspect of the conservative press sheds light on a more nuanced understanding of the Russian public sphere and the context of reforms and counter-reforms in the judicial system. On the one hand, the policy of *glasnost* facilitated the development of the broadest possible opportunities for discussing judicial practice. However, on the other hand, an aggressive debate erupted in the press about the existence of reliable legal expertise. Behind the façade of mutual devaluation of «Grazhdanin» and its «liberal» opponents, the debate highlighted issues of «honor» and responsibility of judicial officials and the new «public authority.»

Отец ругает ребенка за украденные у матери конфеты и обещает высечь. Тот нисколько не раскаивается, а, наоборот, заявляет:

— Ну нет, папа, я украду, а ты меня не высечешь.

— Это что такое?

Да потому что я на тебя пожалуюсь мировому судье. Нынче я право имею![2]

---

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 24-18-00785 «"Гражданин" Достоевского: концепция, полемика, атрибуция, исследование (1872–1874)» (URL: https://rscf.ru/project/24-18-00785/)).

2 Гражданин. 1873. № 38. С. 1037.

Приведенная сатирическая зарисовка — один из многих критических выпадов еженедельника «Гражданин» 1873 года против новой системы судопроизводства. Обличения «Гражданином» реформ 1860-х–70-х годов известны, особенно во второй этап издания еженедельника (1882–1914) — уже при новом царствии. Тогда кн. Мещерский открыто воспевал свертывание «правительством 2 марта» реформ «правительства 19 февраля»[3]. Но в начале 1870-х годов победа консервативного курса была еще отнюдь не очевидна, и поэтому аргументы «Гражданина» против реформированного суда заслуживают внимания. Они были особенно ярко сформированы в 1873 году, когда редактором стал Ф.М. Достоевский[4]. Тогда, усиленный рубрикой «Дневник писателя», еженедельник продолжил экспертные[5] нападки на обновленные суды, споря не только с «либеральными», но и с профессиональными юридическими изданиями. Соединение моральной и профессионально-юридической критики реформированного правосудия — значимый аспект публичной полемики, ранее не привлекавший внимание исследователей.

Дискуссия о развитии публичной сферы и властных полномочий экспертного знания в Российской империи является одной из самых живых в современной историографии. Традиционно 1860-е–70-е годы считаются временем больших возможностей, залогом которых стала гласность — публичное обсуждение общественно значимых проблем. О ее важности напоминают редакторы коллективной монографии о режимах развития публичной сферы в России Т.М. Атнашев, М.Б. Велижев и Т.В. Вайзер[6]. Они спорят с коллегами, указывающими на слабость российской культуры дебатов, связанную с недостаточной властью экспертов, которые могли бы противопоставить государственной власти либеральную идеологию самоорганизующегося общества[7]. Спорящие между собой исследователи публичной сферы при этом, к сожалению, почти не учитывают историческую литературу о впечатляющем развитии общественных организаций и экспертных сообществ — журналистов, юристов, медиков, — то есть профессионального класса в России второй половины XIX века[8]. Профессиональный активизм при этом имел огромный политический потен-

---

3 *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В.П. Мещерский). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004.

4 Публичная полемика современников по поводу работы Ф.М. Достоевского в «Гражданине» в 1873 году уже подробно изучалась. См.: *Захарова О.В., Викторович Ф.М.* Достоевский в русской критике, 1845–1881. Коломна: Издательский дом «Лига», 2021. С. 264–276.

5 Согласно Национальному корпусу русского языка словоформа «эксперт» устойчиво фиксируется с начала 1870-х годов именно в судебных речах.

6 *Атнашев Т.М., Велижев М.Б., Вайзер Т.В.* Двести лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / Под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева, Т.В. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–81.

7 *Калугин Д.Я.* «Много спирашася, не обретоша истинны», или Поэтика коммуникации власти и общества в России древней и новой // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / Под ред. Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 47–91; *Энгельштейн Л.* «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 31–49.

8 См. например: *Тисье М.* Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX — начало XX века) // Синдром публичной немоты. С. 92–114.

циал, который волновал современников. В этой связи экспертные сообщества формировались в ситуации «своего рода симбиоза развивающейся публичной сферы и государства»[9].

В русле этой историографической дискуссии представляет интерес «Гражданин», резко выступавший по вопросу об экспертном знании в пореформенный период. Еженедельник князя Мещерского традиционно описывается исследователями как печатный орган консерваторов, субсидировавшийся из казны для противодействия «увлечениям либерализмом». Взаимные обвинения в продажности и несамостоятельности «либеральных» и «охранительных» деятелей и их изданий, кажется, уводят исследователей от рассмотрения полемики по существу.

В центре данной статьи выпады «Гражданина» против публики и ее героев — «либеральных судебных деятелей». За фасадом взаимного обесценивания «Гражданина» и его «либеральных» оппонентов («Голоса», «Санкт-Петербургских ведомостей» и др.) важно увидеть, что критика еженедельника Мещерского была хорошо подготовлена. Какими данными подкреплялось обличение судебного «самовластия»? От чьего имени и кого «Гражданин» призывал не обольщаться реформированным судом? Какие болевые точки нового суда он находил и с какой целью бил по ним? Ответы на эти вопросы проливают свет не только на историю публичной дискуссии о реформированном суде. Они позволяют представить более широкий контекст антилиберальной критики как поиска «национального» пути. За критикой новых судебных (и земских) учреждений проступало требование Ф.М. Достоевского, развитое затем В.С. Соловьевым, перейти от «реформы народного тела» к «реформе духа», которая бы вышла за рамки заимствованных либеральных форм[10].

Литература и политика в освещении «Гражданином» судебной реформы

Юридическая и судебная тематика была одной из ключевых в еженедельнике кн. Мещерского с первого года издания. «Гражданину», в отличие от многих других изданий, изначально был дозволен юридический отдел[11]. Однако свои выпады против правосудия Мещерский публиковал не только в юридическом, но и во всех других отделах своего издания, включая заключительную развлекательную рубрику «последняя страница»[12]. Именно там был опубликован анекдот про разговор сына с отцом, которым открывается статья.

Анекдотам Мещерский уделял особое внимание. Они позволяли самому неразвитому читателю почерпнуть ощущения несоответствия высокого пафоса

---

9 *Зубков К.* Литературные премии эпохи «Великих реформ» в компаративной перспективе: Уваровская награда для драматургов как институт публичной сферы // Несовершенная публичная сфера. С. 173.

10 См. об этом: *Парсамов В.С.* Ф.М. Достоевский в творческом сознании В.С. Соловьева // Труды Института российской истории РАН. 2023. № 17. С. 333–370.

11 *Сонина Е.С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 208–209.

12 Ее постоянным автором был сам кн. Мещерский (см.: *Викторович В.А., Панюкова Т.В.* Примечания к переписке Ф.М. Достоевского и В.П. Мещерского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 95).

преобразований и их убогой реализации. Подобно диалогу отца и сына, во многих сатирических историях присутствовала фигура, связанная с новым судом. Богатый московский адвокат отказывал бедной старушке-вдове в помощи по той причине, что она из мещан, а он помогает только просящим из купцов. «Жидок» жаловался мировому судье, «с которым делал дела», на несправедливости. Крестьянин растолковывал мировому судье, что украл от голода, а тот удивлялся, что хотя часто бывает голоден, но сбруй не крадет[13].

Если сатирические зарисовки с последней страницы были самой простой беллетризованной формой критики новых судов, то рубрика «Дневник писателя», заведенная уже хорошо известным Ф.М. Достоевским, достигала той же цели более сложными средствами. Уже во втором номере Гражданина появился его известный очерк «Среда», обличавший корыстные апелляции защитников к общественным язвам для выгораживания своих клиентов и своих интересов[14]. Позднее в романе «Братья Карамазовы» эту уловку будет использовать не только адвокат Фетюкович, но и свидетель Ракитин. Последний выступал с обличениями Мити по черновику своей статьи, используя судебный процесс как общественную трибуну.

«Гражданин» обличал милостивые приговоры присяжных во всех своих отделах. Сатирические выпады на «Последней страничке» были самыми прямолинейными. Так, например, сообщалось, что присяжные оправдали обвиняемого в отцеубийстве и покушении на матереубийство с отягчающими обстоятельствами. Более того, они даже предприняли между собой подписку для учреждения в одном из российских университетов стипендии имени обвиняемого. Заканчивалась история словами председателя суда к оправданному: «Идите и подобных преступлений все-таки впредь не совершайте»[15].

Описанный анекдот самым доступным образом передавал основную мысль большого обзора «Преобразование суда присяжных» из предыдущего, 51, номера[16]. Этот обзор гласил, что в европейских государствах, за исключением Англии, суды присяжных представляли собой «поразительные примеры уродливости правосудия». Оперируя материалами иностранных газет (оправдания горничной, укравшей бриллианты хозяйки, сборщика податей, похитившего собранное), «Гражданин» разъяснял, что «объяснением такого приговора служат только инстинкты болезненно-демократического чувства». Еженедельник констатировал, что, основываясь на «личном только и внутреннем убеждении», присяжные «впадают в ошибки и увлечения по вопросам права и нравственности, по коим не должно быть колебания мысли»[17]. Нередко присяжные при этом подвластны влиянию самого энергичного из них.

Выступления «Гражданина» против суда присяжных разительно отличались от сочувственного отношения к нему в столичной печати и в нарождавшемся юридическом сообществе, с его центром в Санкт-Петербурге. В исследованных мной диссертациях 1860-х–70-х годов кандидатов-юристов Санкт-Петербургского университета о суде присяжных не было ни одного выпускного сочинения, где бы подвергалась сомнению применимость этого института в рос-

13 Гражданин. 1873. № 49. С. 1323.
14 Гражданин. 1873. № 2. С. 32–36.
15 Гражданин. 1873. № 52. С. 1145.
16 *В.* Преобразование суда присяжных. Гражданин. 1873. № 51. С. 1371–1372.
17 Там же. С. 1372.

сийских реалиях[18]. Важно отметить, что в совокупности диссертаций самым цитируемым из российских специалистов по этому вопросу был А.Н. Буцковский, отстаивавший свободу внутреннего убеждения присяжных[19]. Еще более радикальную позицию занимал известный судебный деятель А.А. Квачевский — в 1873 году было опубликовано его подробное руководство для присяжных. В нем немало внимания было уделено спору с критиками оправдательных приговоров присяжных. В понятных простому читателю выражениях уважаемый правовед отстаивал самое широкое понимание права присяжных проявлять снисхождение[20].

Такую же позицию разделяли влиятельные петербургские газеты, имевшие репутацию «либеральных». Однозначно поддерживая новые судебные учреждения, они стремились нивелировать высказывания издателя и редактора «Гражданина» как бессмысленные и комические. Чтобы избежать повторений[21], суммируем общий настрой столичных газет — в дискуссии о новом суде они выступили защитниками публики от «неуважительных» суждений «Гражданина».

Надо сказать, что, спустя полгода своего редакторства в «Гражданине», в 1873 году Ф.М. Достоевский ответил критикам. На обвинения в ретроградности он разъяснял, что позиции еженедельника по всем вопросам самостоятельны и никто не мог бы обвинить «Гражданина» в «лакействе»[22]. Этим понятием Достоевский обозначал и обличал «партийность» в российской общественной жизни, когда, как ему казалось, принадлежность к прогрессивному кругу предполагала некоторый набор позиций по «современным вопросам». Суд присяжных представлялся в публичной сфере 1860-х–1870-х годов как «прогрессивное» явление, критика которого автоматически воспринималась как «антилиберальная» и ретроградная.

Экспертные материалы «Гражданина» о деятелях реформированного суда

Литературную критику современного суда Мещерский совмещал с материалами экспертного характера. Неслучайно в 1872 году Мещерский пригласил на должность редактора еженедельника известного публициста, окончившего юридический факультет Харьковского университета с дипломом кандидата, Г.К. Градовского. Когда в 1873 году на его место пришел Ф.М. Достоевский,

18 Были изучены все диссертации, сохранившиеся в фонде Санкт-Петербургского университета Центрального Государственного Исторического Архива Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 11. См. подробнее: *Борисова Т.Ю.* Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 506–519.

19 *Буцковский А.Н.* О приговорах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей. СПб.: Типография Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1866.

20 *Квачевский А.* Суд присяжных по русским законам: Руководство для присяжных заседателей. СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1873.

21 О.В. Захарова и В.А. Викторович собрали и проанализировали все критические отклики на «Дневник писателя» 1873 года: *Захарова О.В., Викторович В.А.* Указ. соч. С. 264–276.

22 Здесь и далее: Гражданин. 1873. № 27.

сотрудничество с яркими, уже писавшими для «Гражданина» юристами — прежде всего с К.П. Победоносцевым и В.Ф. Пуцыковичем — продолжилось. Во время редакторства Достоевского последний стал секретарем редакции. Авторству Пуцыковича принадлежало большинство статей по юридической тематике в «Гражданине».

Если известный правовед, профессор, сенатор и член Государственного совета с 1872 года К.П. Победоносцев был уважаемым экспертом-юристом, то сама фигура В.Ф. Пуцыковича и его экспертиза были гораздо более спорными. Сын заштатного причетника из Гродненской губернии, в разные годы он рекомендовался по-разному, начиная от обладателя диплома домашнего учителя Санкт-Петербургского университета до доктора прав Краковского или Венского университетов. Возможно, он и имел опыт адвоката, как настаивал, но ученых трудов не публиковал и реализовывал себя исключительно в журналистском, а позже издательском деле[23]. С людьми такого разного масштаба, как Победоносцев и Пуцыкович, Мещерского и Достоевского объединяло неприятие роли России как отстающей ученицы Западной Европы. Адвокатура как заимствованное оттуда нововведение вызывала особенное раздражение «Гражданина». Как будет показано ниже, он стремился разоблачить опасность привнесенных извне, с точки зрения охранителей, политических амбиций российских защитников.

Протестуя против пафосной риторики присяжных поверенных, «Гражданин» утверждал, что в ее основе лежало самовосхваление западной адвокатуры. Образцы такого самовосхваления наполнили российский печатный рынок еще накануне Судебной реформы и были представлены в российской юридической периодике 1873 года. Переводные произведения французских и немецких юристов выступали своеобразным ориентиром для новой профессиональной группы[24].

Так, в нескольких выпусках журнала Московского юридического общества «Юридический вестник» с 1872 года публиковался перевод с французского под названием «Новейшая адвокатура». В нем воспевался «новый тип адвоката». Это был

> простой гражданин, всегда готовый защищать идеи справедливости и свободы, лежащие в основании законодательства, вышедшего из рук учредительного собрания, враг предосудительных сделок и политических возвышений, которые отвергаются совестью, господин в своей области, которая есть право[25].

Безусловно, слова о том, что адвокат «господствует» в области права, были неприменимы к Российской империи, где законодательная власть была сосредоточена в руках императора, а сама идея учредительного собрания, к которому отсылал в приведенной выше цитате «Юридический вестник», однозначно от-

---

23 *Викторович В.А.* В.Ф. Пуцыкович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 183–185.

24 Например, выпускник московского юридического факультета 1850 года, известный деятель тверского земства А.М. Унковский издал ставшие популярными переводы: с английского — «Опыта теории косвенных улик» Уильза, с немецкого — «Руководства к судебной защите» и «Уголовного судопроизводства в Англии, Шотландии и Северной Америке» Миттермайера, «Судебной медицины» Шауншейна.

25 Юридический вестник, издаваемый Московским юридическим обществом. 1873. Кн. 10–11. С. 83.

сылала к революции. Но стремление к самостоятельной профессиональной власти служителей Фемиды отчетливо читалось на страницах этого издания. Авторитетный журнал российских юристов, печатавшийся в типографии Московского университета, формировал ценностные ориентиры нарождавшегося экспертного сообщества, подчеркивая его высокое общественное значение. Об этом ясно высказывался профессор С.А. Муромцев, ставший редактором «Юридического вестника» чуть позже, в 1878 году: журнал «должен служить средством для влияния на публику вне университета»[26].

«Гражданин» осознавал высокую степень этого влияния и стремился показать, что переводная литература об успехах европейской адвокатуры нерелевантна для Российской империи. Она приводит к опасным увлечениям и искаженным представлениям о границах профессиональной власти юристов. Эту мысль еженедельник Мещерского стремился подтвердить фактами. Так, в 49-м номере «Гражданина» за авторством Владимира Пуцыковича была опубликована заметка под названием «Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных в роли законодателя»[27]. В ней сообщалось, что Московское юридическое общество 26 ноября 1873 года посвятит свое очередное заседание вопросу о том, имеет ли право совет присяжных поверенных экзаменовать желающих вступить в совет, если они отвечают требованиям закона. Такая практика уже более двух лет действовала в столичном совете присяжных поверенных — корпоративном органе управления адвокатурой.

Пуцыкович указывал, что этот вопрос заслуживает обсуждения, но только не со стороны юристов, а со стороны высших инстанций. «Гражданин» не преминул подчеркнуть, что над юристами стоит законодатель, и он этот вопрос уже разрешил. В заметке доказывалось, что ни буквально, ни по общему смыслу закона совет присяжных поверенных не имеет права вводить какие-либо испытания, кроме проверки наличия представленных документов и сведений о нравственных качествах. Пуцыкович напоминал, что составители Судебных уставов отвергли идею проводить экзамен для защитников при судебной палате, поскольку такая процедура ставила экзаменационный комитет выше «всего ученого сословия профессоров университета, удостоверивших юридическое образование кандидата».

В заключительной части статьи «Гражданин» прямо писал, что экзамен для кандидатов в присяжные поверенные нарушает не только специальные законы о суде, но и общие законы. Он указывал, что в российской государственной системе успешно сданные экзамены дают права определенного состояния. Поэтому, например, учебные учреждения своей властью не могут установить новые или изменять существующие экзамены. Такого рода экзамены устанавливаются законодательной властью (их описание можно найти в различных сборниках законодательства). Введением незаконного экзамена столичный совет присяжных поверенных лишал прав состояния лиц, которые по утвержденной законом процедуре, представив необходимые документы, имели право быть принятыми для исполнения обязанностей присяжных поверенных.

---

26 Цит. по: *Аронов Д.В.* Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М.: ИГ «Юрист», 2006. С. 47.

27 Здесь и далее: *В-ръ П-чъ.* Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных в роли законодателя // Гражданин. 1873. № 49. С. 1306–1307.

Переходя в наступление, Пуцыкович писал, что, «кажется, можно по пальцам пересчитать действительных юристов среди наших присяжных поверенных». «Действительным юристам» «Гражданин» противопоставлял «известных юристов» из Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных. По мнению еженедельника, они были известны лишь тем, что сорвали большой куш по итогам выигранного процесса или защищали известных личностей. Пуцыкович представлял читателю нелепую, с его точки зрения, картину, когда профессора-юристы Пахман, Таганцев и другие, «известные своими научными достижениями и участием в законодательной работе, должны держать экзамен перед людьми неизвестными ни науке, ни юридической литературе».

В самом конце статьи припоминался опыт западной Европы, где монополия адвокатов привела к тому, что само обозначение этой профессии стало «бранным словом». Присвоение права экзаменовать адвокатов приводит к той же монополии. Такая ситуация возможна только потому, что практика столичного совета присяжных поверенных еще не была рассмотрена высшими инстанциями. Этот итог подчеркивал суть статьи — Владимир Пуцыкович указывал на напряжение между самопровозглашенной властью российских адвокатов и настоящей единственно легитимной законодательной властью под началом монарха. Себя же «Гражданин» позиционировал на стороне государства, как бы обращая его внимание на превышение полномочий органа общественной власти. Мотивом выступала защита интересов тех, кто может быть несправедливо не допущен к работе присяжным поверенным в результате «незаконного» экзамена.

«Взаимное обольщение» российских юристов

Большая статья «Гражданина» была посвящена критике идеи Московского юридического общества провести съезд юристов[28]. В отличие от журналиста Пуцыковича, ее автор К.П. Победоносцев особо настаивал в письме Достоевскому «соблюсти величайшее молчание относительно автора. Это очень для меня существенно»[29]. Действительно, статья была резкой, и анонимность должна была скрыть автора, выказывавшего большую осведомленность о кадровых сложностях на юрфаке Московского университета.

Статья заостряла проблему качества подготовки тех, кто называл себя юристами. Эта тема обсуждалась на страницах «Гражданина» уже в первый год издания[30]. И в 1872 и 1873 годах еженедельник не единожды указывал на «ненаучность преобладающего в наше время в нашем юридическом образовании утилитарного направления». Под последним понималось стремление выпускников-юристов занять высокооплачиваемые должности в системе реформированного суда.

Неудивительно, что «Гражданин» высказывался резко против плана ввести «игру в суды» (разыгрывание недавних судебных процессов) для студентов

---

28 *** <*Победоносцев К.П.*>. Съезд юристов в Москве // Гражданин. 1873. № 44. С. 1173–1175.

29 Цит. по: *Викторович В.А., Панюкова Т.В.* Указ. соч. С. 88.

30 *Москвич*. Московские заметки // Гражданин. 1872. № 26. С. 255; *Пуцыкович В.* Наше юридическое образование. Статья 2 // Гражданин. 1872. № 31. С. 463–470; *Правовед Х***. Студент, лицеист и правовед // Гражданин. 1873. № 48. С. 1294–1295.

старших курсов юридического факультета столичного университета[31]. Профессор уголовного права Таганцев также протестовал против этой идеи и опровергал ее как слух. «Игра в суды, — свидетельствовал тот, — не имеющая ни научного, ни практического значения и не соответствующая существу университетского образования, никогда не входила в число предполагаемых практических занятий». Радуясь опровержению, «Гражданин» резюмировал, что такое направление придало бы образованию юристов «фельетонный» характер.

«Фельетонное» понимание публично вершившегося правосудия, культивируемое на страницах пореформенной печати, было особенностью времени. Своими анекдотами о российском суде «Гражданин» доводил его до крайности. Действительно, уже с первых открытых для публики судебных процессов 1866 года издатели видели в них сенсационный товар, который привлечет читателей[32]. В начале 1870-х годов развлекательное понимание состязательных процессов стало реальностью, над которой иронизировала печать[33] и которую позднее изобличил Достоевский в «Братьях Карамазовых».

С этой точки зрения стремление юристов провести свой профессиональный съезд могло укрепить их силу в публичном поле, и именно против этого выступал «Гражданин». В критической заметке о планируемом съезде юристов Победоносцев прямо указывал на то, что эта инициатива является продолжением «утилитарного» понимания юридической экспертизы. Статья начиналась с того, что кафедры московского юридического факультета пустуют, поскольку, в отличие от науки, практика сулит почет и материальные блага и возможность «учиниться “властью”»[34].

Само понятие «юрист» представлялось ему очень спорным в «мутной воде» российских реалий:

> Основательные юридические сведения слишком мало распространены в нашем обществе, да и не могут быть достоянием массы. От этого всякому шарлатану, спекулирующему для тех или иных целей на звание юриста, очень нетрудно, с помощью жаргона, составленного из разных вкось и вкривь употребляемых терминов, и с помощью гладких и громких фраз, на которые мы все мастера, — не только бросить пыль в глаза простому человеку, но и ввесть в заблуждение официальных ценителей.
>
> Словом сказать, наш рынок юристов о сию пору стоит еще в мутной воде, в которой очень удобно ловить всякую рыбу. К довершению путаницы — юридические знания, в ходячем о них понятии, смешались у нас с либеральными представлениями всякого рода до того, что весьма редко одно отличается от другого[35].

---

31 *Пуцыкович В.* Наше юридическое образование… С. 463–470.

32 См. об этом *Борисова Т.Ю.* Публика, гласность и границы дозволенного накануне открытия российских реформированных судов в 1866 г. // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 35–44.

33 Так, например, в передовой статье «Санкт-Петербургских ведомостей» от 1 (13) января 1873 года был помещен сатирический диалог редактора газеты с публикой:
— А о последнем процессе что скажете? — О растлении, что ли? Ничего… жаль только, есть пропуски… Но если б такие процессы почаще, то можно было бы еще читать газеты…
— Да не каждый же день случаются растления, но каждый день скандалы! Подумайте…
— Да это уже не мое дело, да мне надоело, что нет ничего пикантного… Я в этом году подписался на другую газету.

34 *** <*Победоносцев К.П.*>. Съезд юристов в Москве. С. 1174.

35 Там же.

Из приведенной цитаты видно, как выстраивался идеологический аргумент. Во-первых, автор показывает, что принадлежность к корпорации юристов часто сводится к имитации владения специальным языком. Во-вторых, он указывает, что эта имитация не бескорыстна — а принята на некоем «рынке юристов». В-третьих, на этом рынке юридическое и либеральное часто смешивается. Так, читателя постепенно подводят к особому «типу “либералов судебного дела”». Каждому из них «нетрудно с помощью известных терминов выставить себя юристом и прослыть за юриста». В самом начале своего высказывания о российских юристах таких имитаторов автор однозначно называл «шарлатанами». Вполне естественно у читателя выстраивалось тождество между «типом «“либералов” судебного дела» и шарлатанами. В заключении «Гражданин» противопоставлял «взаимному величанию и взаимному обольщению» сомнительных юристов тихое служение — «делать каждому в своем кругу свое дело». Реальные дела без громких фраз он противопоставлял «пустому разглагольствованию по так называемым общим вопросам».

Победоносцев неслучайно заботился о том, чтобы скрыть свое авторство. Отрицание в его заметке необходимости обсуждения общих вопросов юридической корпорации, заявлявшей о себе как об основе независимой судебной власти, выглядело для современников ретроградным. Оно как будто возвращало их к реалиям дореформенного времени, когда чиновничество и канцеляристы были носителями юридического знания. Так было в середине 1840-х годов, когда выпускник Училища правоведения К.П. Победоносцев только начинал свою карьеру. Юридическое образование, да и вообще высшее или даже среднее образование, не было обязательным для судебных чиновников на ответственных позициях губернских прокуроров, председателей губернских палат уголовного и гражданского суда, обер-прокуроров Сената. Как показывают исследования Д.О. Серова и Р. Уортмана, около половины чиновников на этих должностях вообще не имели среднего и высшего образования[36].

Судебная реформа, как подчеркивал «Юридический вестник» в 1873 году, требовала укрепления профессиональных стандартов юриспруденции. Поэтому в своей январской книжке профильный журнал публиковал большую статью об опыте юридических съездов в Германии[37]. Они представляли собой желанный образец — *Juristentag*, т.е. «коллективный выразитель просвещенных законодательств», как подчеркивал часто упоминавшийся в российской юридической литературе и обильно переводившийся на русский профессор Миттермайер[38].

Объемная статья о съездах германских юристов завершалась любопытной сменой регистра — апелляция к науке и профессиональным основам правосудия сменялась упованием на благословение Господа отечественных юристов в обретении «полного торжества дорогих начал права и справедливости». Благословение первому российскому съезду юристов должно было привести к устранению «прискорбных уклонений, замечаемых ныне в тех или иных дея-

36 *Серов Д.О.* Корпорация юристов на государственной службе Российской империи: истоки возникновения // Юридический мир. 2016. № 12. С. 40–45; *Уортман Р.* Властители и судии. Развитие правового сознания в императорской России / Пер. с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

37 *Кохнов В.И.* О съездах германских юристов // Юридический вестник. 1873. Январь. С. 1–13.

38 Там же. С. 9.

телях новых судов». Они, оптимистически резюмировал «Юридический вестник», «устранятся при свете коллективного знания и науки», и «судья воспитает в себе пока слабое сознание в нем чувства гражданского долга».

Как видим, ведущий юридический журнал в обсуждении практического профессионального вопроса обращался к религиозному дискурсу. Схожим образом в это же самое время — в начале 1873 года — Достоевский в очерке «Среда» в «Гражданине» обосновывал именно христианской верой народа необходимость пересмотреть приемы защиты в обновленном суде.

Напоминание о божественной силе, стоящей выше профессиональной компетенции юристов, в изданиях противоположных идеологических лагерей очень интересно. Можно предположить, что автор статьи о необходимости русского съезда писал о божественном благословении чисто риторически. Однако, возможно, апелляция к богу показывала, что сторонники независимой судебной власти понимали уязвимость своей опоры на заимствованные в Западной Европе учреждения и практики. В любом случае то, что наиболее уважаемый юридический журнал начала 1870-х годов в обсуждении практических задач судебной власти опирался на религиозный дискурс, как и «мракобесный» «Гражданин», любопытно и требует дальнейшего исследования[39].

Итоги: а судьи кто?

«Гражданин» периода редакторства Достоевского сделал много, чтобы указать на нерелевантность для Российской империи не только европейских образцов правосудия, но и публичной политики, которые утверждались судебной и земской реформами. Их самым тонким местом еженедельник считал «общественных деятелей». В представлении «Гражданина» они стремились вырвать инициативу у государства и направить новые учреждения к утверждению заимствованных в Западной Европе идеалов свободы.

Свою антизападную и антилиберальную позицию Мещерский сформулировал более воинственно в период свертывания курса Александра II в новом царствовании. Так, в 1884 году в продолжаемой и после ухода с редакторства Достоевского рубрике «Дневник» Мещерский прямо писал, что «бюрократический либерализм» извратил благие устремления власти неправильными «реформами»:

> ...дали свободу миллионам народа и назвали это *освобождением крестьян*; дали свободу тысячам земских гласных говорить о своих нуждах и радеть для них и назвали это *земской реформой*; дали свободу судить преступников при самых утонченных условиях свободы и назвали это *судебной реформой*; дали свободу каждому грамотному писать для вразумления или для извращения мыслей других и назвали это *реформой печати*[40].

В изображении «Гражданина», как видно из приведенной цитаты, реформы подменились бессмысленными свободами без указания на ответственность,

---

39 Требует дальнейшего изучения религиозная подоплека Судебной реформы. Важный задел здесь см.: Law and the Christian Tradition in Modern Russia / Ed. by R.A. Poole, P. Vallieri. Milton Park; New York: Routledge, 2021.

40 Цит. по: *Карцов А.С.* Указ. соч. С. 121–122, 205.

хотя взаимосвязь этих понятий очевидна. В случае с судебной реформой ситуация была самая вопиющая, с точки зрения кн. Мещерского. Это было связано с условиями свободы, которые еженедельник иронично называл «самыми утонченными», подчеркивая этим термином, что необразованным полуграмотным людям понятия свободы были не ясны.

Важно, что еще в первый период издания «Гражданин» сформулировал противопоставление государственной и общественной власти. Тогда же, в начале 1870–х годов, «Гражданин» стал претендовать на роль квалифицированного и ответственного разоблачителя тех, кто утверждал свое право судить. «Либеральные» оппоненты при этом представлялись им как безответственные и несамостоятельные. В фельетоне «Гражданина» 1873 года это явление воплощал один «остроумный публицист», провозглашая всеобщее увлечение: «Как это мило! Давайте, дети, играть в приговоры — веселая игра!»[41] Тем самым создавалась очень простая схема: два центральных объекта критики «Гражданина» — избалованная публика (дети) и водившие ее за нос эксперты, прежде всего «либеральные судебные деятели», — были взаимосвязаны. Своим рождением они были обязаны реформам.

Отвергая допущенных в суд простолюдинов (присяжных заседателей и присяжных поверенных) и сомневаясь в отечественной юридической науке, на какую экспертизу опирался сам «Гражданин»? Ответ на данный вопрос важен, потому что он разъясняет, чье знание о России и ее нуждах представлялось «Гражданину» легитимным. Мещерский считал свое происхождение воплощением справедливого притязания на авторитетное суждение. В своих воспоминаниях он делал акцент на служении предков и родственников престолу и подчеркивал факт посещения цесаревичем Твери в 1865 году, где его встречал губернский предводитель дворянства — князь Б.В. Мещерский, «умный, хороший, с открытою и прямою русскою душою человек». Как настаивал мемуарист, цесаревич был очень доволен встречей и «вынес симпатичное впечатление»[42].

Впечатлениям невежественной толпы, которые как будто стали играть важную роль в реформированном суде, «Гражданин» противопоставлял идеальный образ ответственного христианского служения каждого на своем месте, одобряемого императором. Такому служению не нужны были собрания и съезды. Публичное широкое обсуждение значимых для всех вопросов также отвергалось. В статьях «Гражданина» обличалась бессмысленная говорильня дворян, занявшихся «общественными делами», и корыстные безответственные манипуляции якобы экспертной властью. Новоявленным российским юристам и судебным деятелям еженедельник Мещерского отказывал в корпоративной чести и стремился уличить их в попытках похитить законную государственную власть, исходящую от монарха. Тем самым «Гражданин» стремился дискредитировать «общее дело» общественной власти, указывая на то, что есть только одна власть — государственная. Ее интересы определяются государством и уполномоченными им экспертами.

Нападки «охранителей» на возвышающуюся после реформы 1864 года судебную власть нужно рассматривать как спор о значении общественной власти

41 Гражданин. 1873. № 46. С. 1227.

42 *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Ч. 2. СПб.: Типография кн. В.П. Мещерского, 1898. С. 56.

и профессиональной экспертизы в контексте морализации публичной сферы Российской империи второй половины XIX века. На практику публичной дискуссии очень влияли привычные для западноевропейской прессы взаимные обличения газетчиков. Воспринятая манера «выставлять напоказ»[43] оппонентов в смешном и жалком свете использовалась для повышения ажиотажа и, соответственно, продаж. Фельетонный характер репрезентации обновленных судов и нарождавшейся юридической профессии профанировал значение судебной реформы. Сам по себе вызов *фельетонной репрезентации* общественной жизни пореформенной России заслуживает самого пристального внимания.

Библиография / References

Аронов Д.В. Первый спикер. Опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. М.: ИГ «Юрист», 2006.

(*Aronov D.V.* Pervyy spiker. Opyt nauchnoy biografii Sergeya Andreevicha Muromtseva. Moscow, 2006.)

Атнашев Т.М., Велижев М.Б., Вайзер Т.В. Двести лет опыта: от буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера / Под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева, Т.В. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 5–81.

(*Atnashev T.M., Velizhev M.B., Vayzer T.V.* Dvesti let opyta: ot burzhuaznoj publichnoj sfery k rossiiskim rezhimam publichnosti // Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii / Ed. by T.M. Atnashev, M.B. Velizhev, T.V. Vayser. Moscow, 2021. P. 5–81.)

Борисова Т. Когда велит совесть: Культурные истоки Судебной реформы в России. М.: Новое литературное обозрение, 2025.

(*Borisova T.* Kogda velit sovest': Kul'turnye istoki Sudebnoy reformy v Rossii. Moscow, 2025.)

Борисова Т.Ю. Публика, гласность и границы дозволенного накануне открытия российских реформированных судов в 1866 г. // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 35–44.

(*Borisova T.Yu.* Publika, glasnost' i granitsy dozvolennogo nakanune otkrytiya rossiyskih reformirovannyh sudov v 1866 g. // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2025. № 2 (87). P. 35–44.)

Викторович В.А., Панюкова Т.В. Примечания к переписке Ф.М. Достоевского и В.П. Мещерского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 1. С. 59–119.

(*Viktorovich V.A., Panyukova T.V.* Primechaniya k perepiske F.M. Dostoevskogo i V.P. Meshcherskogo // Neizvestnyy Dostoevskiy. 2017. № 1. P. 59–119.)

Захарова О.В., Викторович В.А. Ф.М. Достоевский в русской критике, 1845–1881. Коломна: Издательский дом «Лига», 2021. С. 264–276.

(*Zakharova O.V., Viktorovich V.A.* F.M. Dostoevskiy v russkoy kritike, 1845–1881. Kolomna, 2021. P. 264–276.)

Зубков К. Литературные премии эпохи «Великих реформ» в компаративной перспективе: Уваровская награда для драматургов как институт публичной сферы // Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России / Под ред. Т.М. Атнашева, М.Б. Велижева, Т.В. Вайзер. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 315–344.

(*Zubkov K.* Literaturnye premii epokhi «Velikikh reform» v komparativnoy perspektive: Uvarovskaya nagrada dlya dramaturgov kak institut publichnoy sfery // Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii / Ed. by T.M. Atnashev, M.B. Velizhev, T.V. Vayser. Moscow, 2021. P. 315–344.)

Калугин Д.Я. «Много спирашася, не обретоша истинны», или Поэтика коммуникации власти и общества в России древ-

43 См. об этом: *Мильчина В.* Голоса и газеты // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 311–319.

ней и новой // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / Под ред. Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 47–91.

(*Kalugin D.Ya.* «Mnogo spirashasya, ne obretosha istinny», ili Poetika kommunikatsii vlasti i obshchestva v Rossii drevney i novoy // «Sindrom publichnoy nemoty»: istoriya i sovremennye praktiki publichnykh debatov v Rossii / Ed. by N.B. Vakhtin, B.M. Firsov. Moscow, 2017. P. 47–91.)

Карцов А.С. Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В.П. Мещерский). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004.

(*Kartsov A.S.* Russkiy konservatizm vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka (knyaz' V.P. Meshcherskiy). Saint Petersburg, 2004.)

Мильчина В. Голоса и газеты // Новое литературное обозрение. 2019. № 2 (156). С. 311–319.

(*Mil'china V.* Golosa i gazety // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. №. 2 (156). P. 311–319.)

Парсамов В.С. Ф.М. Достоевский в творческом сознании В.С. Соловьева // Труды Института российской истории РАН. 2023. № 17. С. 333–370.

(*Parsamov V.S.* F.M. Dostoevskiy v tvorcheskom soznanii V.S. Soloveva // Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. 2023. № 17. P. 333–370.)

Тисье М. Литература правовой популяризации и употребление языка (конец XIX — начало XX века) // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / Под ред. Н.Б. Вахтина, Б.М. Фирсова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 92–114.

(Tissier M. Literatura pravovoi populyarizacii i upotreblenie yazyka (konets XIX — nachalo XX veka) // «Sindrom publichnoy nemoty»: istoriya i sovremennye praktiki publichnykh debatov v Rossii / Ed. by N.B. Vakhtin, B.M. Firsov. Moscow, 2017. P. 92–114.)

Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / Пер. с англ. М.Д. Долбилова при участии Ф.Л. Севастьянова. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

(*Wortman R.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Moscow, 2004 — In Russ.)

Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 31–49.

(*Engelstein L.* Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. № 49. P. 31–49 — In Russ.)

Law and the Christian Tradition in Modern Russia / Ed. by R.A. Poole, P. Vallieri. Milton Park; New York: Routledge, 2021.